

**Обоснование и кризис имперской идеи в XIV веке: Данте Алигьери, Уильям Оккам
и Марсилиус Падуанский**

Год:

2008

Автор научной работы:

Бычков, Александр Александрович

Ученая степень:

кандидат политических наук

Место защиты диссертации:

Москва

Код специальности ВАК:

23.00.01

Специальность:

Теория политики, история и методология политической науки

Количество страниц: 173

ВВЕДЕНИЕ.

Глава I. Империя: современные и классический подходы к её изучению.

- 1.1. Политико-системный подход.
- 1.2. Политико-исторический подход.
- 1.3. историко-этимологический подход.
- 1.4. историко-философский подход.
- 1.5. социально-философский.
- 1.6. Политико-философский подход.

ГЛАВА II. Классическая идея империи в политической философии Данте.

- 2.1. Данте: теократия вне Церкви.
- 2.2. Данте: от Богочеловечества к человечеству.
- 2.3. Данте - Секулярная империя.

Глава III. Кризис классической идеи империи в политической философии Оккама.

- 3.1. Историческая теократия.
- 3.2. Оккам: христианский индивидуализм.
- 3.3. Оккам: «Развоплощение» Империи.

Глава IV. Марсилиус Падуанский: отход от классической идеи империи.

- 4.1. Деизм вместо теократии.
- 4.2. Марсилиус: от БишапкаБ к сотшипкаБ.
- 4.3. Христианская конфедерация Марсилиуса Падуанского.

Введение диссертации (часть автореферата) На тему "Обоснование и кризис имперской идеи в XIV веке: Данте Алигьери, Уильям Оккам и Марсилиус Падуанский"

В данной работе диссертант анализирует понятие империи, которое стало обиходным для современной политической теории и практики. Понятие «империя» ещё не так давно было для российских учёных единицей сугубо историко-политического словаря: с его помощью описывалась некая историческая реальность - «Российская империя», «Римская империя», «Британская империя» и т.д. Но с началом 1990-х годов ситуация в корне изменилась. Это понятие стало активно использоваться не только в политической истории, но и в политических науках¹.

Так, многие российские исследователи (Л. Гатагова, М. Ильин, А. Филиппов, С. Каспэ, Э. Паин и др.), при всем различии применяемых ими методов и подходов, согласны в том, что тема империи весьма актуальна для России, поскольку наша страна сама обладает многовековым имперским историческим опытом и поэтому эта имперская наследственность делает необходимым обращаться к этой теме хотя бы для того, чтобы понять то, что в России происходит сейчас (например, усиление «вертикали власти»). Существует точка зрения, согласно которой в России не было никогда национального государства, она всегда, всю свою историю, была империей³.

Кроме того, немаловажно, что некоторые из этих исследователей (например, А. Филиппов, С. Каспэ) указывают, что само понятие «империя» имеет непосредственную связь с близкими по смыслу политологическими понятиями «политическая власть» и «политическое пространство». Связь с понятием политической власти содержится в самой этимологии термина «империя», которое происходит, как известно, от латинского слова *impero*, означавшего в классическую эпоху высшую распорядительную, прежде

1 См. Гатагова Л. С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. М., 1995. С. 332-353.

2 Паин Э. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционная альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2004. С. 15.

3 Там же. С. 11. всего, военную, власть4. Таким образом, «империя» является видовым понятием по отношению к понятию политической власти. В свою очередь, понятие политического пространства является родственным понятию «империя», потому что по ассоциации с Римской империей исследователи в один голос склонны считать империями только очень большие политические образования: «хотя малое государство возможно, но малая империя - нет»5; «государство может быть маленьким. но «маленькая империя» есть терминологическое противоречие»6. Империя, с их точки зрения, - это потенциально безграничное политическое пространство7. Другими словами, в понятии «империя» особым образом преломляются, как в призме, важнейшие политологические категории. Соответственно, изучение проблемы империи, по определению, не утратило и не может утратить свою политологическую актуальность, ибо проблемы организации очень большого политического пространства и управления им, особенно на фоне развития процессов глобализации и постепенной эрозии национальных государств, которые мы наблюдаем ныне, всё сильнее и сильнее встают на повестке дня.

Примерно в таком же ключе мы видим, что интерес к теме империи также наблюдается и на Западе. Одни учёные пытаются осмыслить тот вклад, который империи внесли в развитие политических идей, повлиявших на формирование современной западной политической мысли (Р. Фольц, В. Уллманн), или на развитие политических институтов, повлиявших на формирование современной западной политической системы (Ш. Эйзенштадт). Другие стремятся ответить на вызовы современного политического процесса: кризис национальных государств в связи с глобализацией наводит их на мысль о постепенном образовании глобального политического сообщества, для описания которого они не могут найти более

4 Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Вопросы социологии. Том 1. №1. 1992. С. 99.

5 Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Вопросы социологии. Том 1. №1. 1992. С. 104.

6 Каспэ С. И. Империи: генезис, структура, функции // Полис. №5. 1997. С. 35.

7 Филиппов А. Ф. Указ. соч. С. 99. Каспэ С. И. Указ. соч. С. 43. адекватного понятия, кроме как образование новой империи (А. Негри, М. Хардт).

Однако в этой связи может возникнуть вопрос, насколько те понятия империи, что используются современными авторами для анализа исторических и современных политических процессов действительно соответствуют тому, что принято называть «империей»? Может быть, они говорят о разных «империях»? Или об одной?

Может показаться, что этот вопрос неуместен, все мы интуитивно знаем, о чём идёт речь, исходя из общих знаний, касающихся мировой политической истории. Но интуиции в таком важном вопросе недостаточно. Так, одни исследователи берут в качестве главного признака империи полиэтничный состав населения и включают в число империй СССР и США, другие - авторитарную иерархическую политическую систему и включают в число империй государства инков, III Рейх Гитлера и сталинский Советский Союз, третьи — агрессивный хищнический экспансионизм и называют, соответственно, империями все государства, имевшие колонии, хотя бы при этом они и имели конституционное государственное устройство (Британская, Французская колониальные империи и т.д.). Историки и представители системного подхода это понятие распространяют на инков, китайцев, персов, которые даже и не подозревали, что жили в «империях», хотя политическая организация этих народов и соответствовала тем признакам, на основании которых эти учёные формулировали своё понятие империи, М. Ильин - на любой народ, использовавший в своих официальных документах термин «империя» и «царство», А. Филиппов - на СНГ и СССР, Э. Паин - на СССР и III Рейх Гитлера, А. Негри и М. Хардт - на формирующееся глобальное политическое сообщество.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении, мы действительно можем зайти в этом смысле в тупик. На уровне здравого смысла мы можем придерживаться некоего негласного консенсуса, но как только намечается тенденция перехода на уровень теоретической абстракции, мы сразу попадаем в сложную ситуацию — критерии определения понятия «империя» столь различны, что подходят к широкому спектру политических сообществ, весьма отличающихся друг от друга (вроде сверхгосударственного глобального сообщества А. Негри и М. Харта и СССР Э. Паина). Отметим, что сам факт того, что империей можно назвать и СССР, и средневековую монархию ещё не является камнем преткновения - понятие «империя» настолько объёмно, что может в себя включать даже такие, на первый взгляд, разные случаи. Проблемой является, на наш взгляд, сама неопределённость критериев — на основании чего такие обобщения вообще возможны?

На наш взгляд, главная причина такой неопределённости критериев определения понятия империи состоит в том, что эти авторы подходят к изучению империи практически только со стороны её социально-политической структуры⁹. Империя предстаёт перед ними прежде всего как некая форма политической организации: они абстрагируются от структурных элементов тех или иных политических сообществ, которые носили в истории название «империя», формируют на их основе абстрактный образ империи и потом экстраполируют его на другие политические сообщества, которые, хотя и не носили название «империя», но имели в чём-то сходную I социально-политическую структуру. Даже А. Негри и М. Хардт, особенно настаивавшие на сугубо теоретическом характере своего определения понятия «империя»¹⁰, имели перед своим мысленным образом именно историческую Римскую империю как ту «модель, которая положила начало евро-американской традиции, приведшей к современной мировой

8 как понятие «демократия» применяется для описания политических систем и классических Афин, и современных США, как это делает, например, Р. Даль.

9 Здесь мы следуем тому, как понимается структура в рамках политико-системного подхода: структуры политической системы — это агенты, способные осуществлять тот или иной политический курс (=функцию) (партии, группы интересов, законодательные собрания, бюрократия, исполнительные, судебные органы власти) (Алмонд и Верба). Т.е.

структура — это тот институциональный «скелет», который позволяет иметь политическое-бытие тому или иному историческому обществу.

10 Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 14. политике»¹¹.

Ориентировавшийся на «смысловой горизонт» понятия «империя» А. Филиппов также имел перед своим мысленным взором исторический римский ¹² и историческую империю Александра Македонского¹³.

В то же время, на наш взгляд, анализ социально-политической структуры не достаточен для формирования адекватного понимания что есть империя, т.к. эта структура, в общем-то, мало чем отличается от структуры других, не-имперских, политических образований. А потому, приняв за основу критерий, который не является существенным для определения понятия «империя», исследователи и распространяют его на многие политические сообщества, которые, строго говоря, империями и не являются (например, III Рейх Гитлера¹⁴). На наш взгляд, невозможно подойти к пониманию того, что есть империя, обращаясь только к фактам из внешней, исторической жизни империи, только к её структуре, без обращения к текстам, порождённым самими носителями имперского сознания, к людям, которые его выражали, жили им, так как империя не в меньшей степени идейная, нежели институциональная реальность¹⁵, ибо, как показывает история, сами носители имперского сознания живут не столько в своей реальной (с нашей точки зрения) политической деятельности (в войнах, в дипломатии, репрессивных акциях), сколько в своём воображении, в мире своих идей и ценностей. Эта мысль не нова. В данном случае мы опираемся на ту идею, которую выразил известный учёный М. Вебер, вводя понятие

11 Там же. С. 381. 1 Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Вопросы социологии. Том 1. №1. 1992. С. 99.

13 Филиппов А. Ф. Смысл империи: к социологии политического пространства // www.Sociolog.net/filippov.html#fl Паин Э. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционная альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2004. С. 14.

15 В работах вышеупомянутых исследователей идейное измерение понятия империи не отрицается, но как правило ставится на последнее место, как «идеология», нечто производное от имперской структуры. ценностно-рационального действия»¹⁶, которое мы склонны применять к описанию особенностей мироощущения и поведения носителей имперского сознания. Ибо даже когда империя сводилась к границам одного города (Византия XV века), её правители мыслили себя правителями всей вселенной. Поэтому нам представляется, что если бы удалось совместить обе исследовательские перспективы, то это способствовало бы вычленению того существенного, что характерно для всякой империи и, отбросив второстепенное, тем существенно расширить вероятность более адекватного представления о том, что есть «империя».

Этой методологической установкой и обусловлен тот факт, что мы акцентируем своё внимание, как это видно из самого названия нашей работы, на применении к описанию того, что есть империя, термина «идея», т.к. именно термин «идея», на наш взгляд, лучше подходит к описанию того, что есть «империя».

В определении «идеи» мы опираемся на философскую традицию, идущую от И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля.

Так, И. Кант считал идеей «понятие разума, предмет которого вовсе не встречается в опыте»¹⁷: «идея есть не что иное как понятие совершенства, которого ещё не существует в опыте, например, идея совершенного, справедливо управляемого государства», но при этом, если идея

18 правильна», ее осуществление «не является невозможным» .

Г. В. Ф. Гегель считал идеей «абсолютное единство понятия и объективности»¹⁹, когда предметы реального мира «суть то, чем они должны

16 согласно М. Веберу один из типов социального действия - «ценностно-рациональное» - состоит в том, что агент, «невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности «предмета» любого рода» (М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С 629).

17 И. Кант. Логика. Пособие к лекциям // Трактаты. Спб: Наука, 1996. С. 490.

18 Философский словарь. М.: Республика, 2003. С. 169.

19 Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 399. быть, т.е. когда их реальность соответствует их понятию» . Степень соответствия реальности понятию может быть различной, но «даже плохое и неистинное есть лишь постольку, поскольку их реальность каким-то образом и в какой-то мере соответствует их понятию»²¹. Например, государство, постольку является государством, поскольку оно соответствует истинному государству. Степень соответствия реального должному, по Гегелю, есть степень осуществления идеи.

Таким образом, идея империи для нас - это прежде всего идея;о том, чем должно стать государство, называющее себя империей, нежели то, чем оно в действительности есть. В известном смысле «реальная» империя всегда есть только «мечтание» (Р. Фольц) об империи.

Вторая проблема упомянутых авторских концепций при определении того, что есть империя, на наш взгляд, состоит в том, что не учитывается, так сказать, «двойное дно» смыслового измерения идеи империи. С одной стороны, существует некоторое смысловое «ядро» идеи империи,, которое универсально и неизменно при всех её смысловых модификациях; его интуитивно чувствуют все авторы. С другой стороны, в разные исторические эпохи это «ядро» представлялось в разной «оболочке»²² - в исторически преходящей «имперской идеологии»²³. Причём идеи, входящие в состав имперской идеологии, настолько важны для носителей имперского сознания, что анализируя тот или иной случай, исследователь - рискует, читая тексты этих мыслителей, за «ядро» принять именно «идеологию», которую сами носители имперского сознания могут и не осознавать. Наоборот, исходное

20 Там же. С. 400.

21 Там же.

22 Сам образ «ядра» и «оболочки» заимствован у Гирке (Gierke von O. The Medieval Political Theories. Cambridge: Cambridge University Press, 1900. P. 4.), он употреблял его для того, чтобы объяснить, как из средневековой политико-правовой мысли могла родиться современная политико-правовая мысль.

21 В употреблении понятия «идеология» мы следуем наиболее распространённой традиции определения этого понятия, берущей начало от К. Мангейма, как способа отражения социальной действительности, системы мысли, которая служит для защиты существующего социального порядка и выражает интересы правящей группы общества («Категории политической науки». М.: РОССПЭН, 2002. С. 526). ядро» зачастую ими не осознаётся, однако будучи действительно несущим элементом, «передаётся по наследству» от одной формы империи к другой. Каково это преемство — это вопрос исследования но то, что оно есть, очевидно уже потому, что интерес к империи сохраняется и по сей день.

Но, обращаясь к смысловому горизонту имперской идеи, мы сталкиваемся с уже отмеченной проблемой: как отделить подлинное смысловое «ядро» империи от имперской идеологии?

Проанализировать все тексты, посвященные идее империи за две с половиной тысячи лет, как этого требует методология дисциплины история политических учений, физически невозможно. Поэтому мы пойдём путём концептуального анализа.

Поскольку мы предполагаем, что в основе всех нам известных концепций империи лежит одно смысловое «ядро», то мы, проанализировав научные определения империи, данные современными политологами, попытаемся в самых общих чертах очертить предполагаемые контуры этого «ядра», вычленив наиболее общие черты идеи империи. Но может возникнуть сомнение, что найденная совокупность смысловых элементов может быть достоянием научной политической мысли только XX века, т.е. может быть несущественной для определения «ядра» идеи империи. Кроме того, эти учёные принимали во внимание только «структурный» аспект бытия империи, т.е. их анализ был несколько односторонним. Поэтому мы обратим главное внимание на период, когда исходная, «классическая»²⁴, идея империи переживала период своего распада и сменялась другой, условно говоря, «неклассической» идеей империи, что как раз и позволяет при сравнении их между собой, увидеть и отбросить всё то случайное в обоих

21 Для нас классическая идея империи - это то представление об империи, которое служило для всех последующих поколений образцом для формирования своих представлений об империи, хотя подражание этому образцу, конечно же, было не всегда адекватным. Это представление об империи существовало в период времени, начиная с эллинистической империи Александра Македонского, охватывая эпоху существования Римской империи, Византийской империи и Священной Римской империи от Карла Великого до Фридриха II Гогенштауфена. представлениях, что относится к преходящей имперской идеологии, оставив всё то, что перешло без изменений из одной эпохи в другую. Кроме того, мы привлечём для анализа сами тексты теоретиков империи как представителей имперского сознания, ибо с нашей точки зрения империя прежде всего идея и ценность, а уже потом - одна из форм политической организации общества. Полученное в результате анализа смысловое «ядро» мы сможем сравнить с теми смысловыми константами, с которыми работали современные учёные, совместив тем самым «структурную» и «идейную» перспективы исследования империи, вычленив в итоге то, что есть общего для всех рассматриваемых нами концепций империи. Это и будет искомое смысловое «ядро» имперской идеи, которое не зависит от преходящей исторической ситуации.

Констатация этого факта подводит нас к постановке проблемы ' диссертационного исследования: что составляет сердцевину, смысловое «ядро» идеи империи, которое

позволяет ей существовать на протяжении , многих тысячелетий в умах и мыслителей, и политических деятелей, не теряя своей востребованности, но просто изменяя форму своего воплощения от эпохи к эпохе?

Цель нашей работы состоит в том, чтобы отсеять преходящую оболочку имперской идеологии (все случайные, привходящие элементы (вторичные идеи)), оставив только неизменное смысловое «ядро» тем способом, который мы указали выше.

Период, в котором происходит упомянутый нами кризис классической имперской идеологии, когда старое понятие уже начинало разлагаться, а новое — только-только формироваться, - первая половина XIV века. Как отмечает историк политической мысли Р. Фольц, в это время в средневековом политическом знании наблюдался последний всплеск интереса к проблеме империи в её классическом виде. В этой связи мы проанализируем теоретическое осмысление империи в творчестве трёх наиболее ярких сторонников германских императоров в их борьбе с папами, писавших в первой половине XIV века: Данте Алигьери, Уильяма Оккама и Марсилия Падуанского. Своеобразие этих мыслителей состоит в том, что они ещё сохраняли связь с тем политическим философствованием, в котором существовало «классическая»²⁵ идея империи, но в то же время уже жили в других условиях и мыслили иначе. Здесь чисто политологический аспект работы, состоящий в анализе самой идеи империи как специфического преломления категорий политической власти и политического пространства, соединяется с историко-философским, ибо именно история политико-философских идей поставляет необходимый материал для анализа, но рассматривается он с политологических позиций: как исследуемые носители имперского сознания конкретной эпохи отвечали на вопрос: что есть империя? И в чём их ответы схожи, а в чём отличаются от мыслителей классической эпохи и учёных-политологов современности?

Для последнего необходимо будет сделать дополнительное общее введение в историю вопроса - в то, как в некоторых классических имперских концепциях понималась империя, а также проанализировать то, как, собственно, определяли империю учёные-политологи в рамках разных научных подходов, и каким образом эти смыслы противоречат «классической» идее империи, а в чём схожи с ней.

Кроме того, мы уделим достаточно много внимания фоновым для классической идеи империи представлениям, вне которых она никогда не существовала - нехристианским и христианским идеям теократии и человечества, которые являлись основой для размышлений об интересующем нас объекте исследования.

Достижение обозначенных целей будет происходить через решение конкретных задач: анализ определений, данных современными учёными понятию «империя», и «классической» идеи империи, теоретических оснований, на которых они зиждутся; а затем - через рассмотрение того, что нового по сравнению с классической идеей империи привнесли авторы XIV

25 См. сноску 6. века в понимании империи - узнать какие смысловые элементы утратили своё существование, а какие сохранились.

Выполнению этих задач будет соответствовать сама структура настоящей работы. Рассмотрению современных научных понятий империи и классической идеи империи будет посвящена первая глава настоящей работы. Рассмотрению имперской идеи в политической философии Данте, Оккама и Марсилия Падуанского — соответственно вторая, третья и четвертая главы. В заключении будет подведён итог нашему анализу.

Проблема раскрытия понятия империи в нашей литературе проанализирована на данный момент слабо. Поэтому нами будут проанализированы прежде всего фундаментальные первоисточники — политико-философские трактаты вышеупомянутых мыслителей. «Монархия» (1312-1313), «Пир» (1307), политические письма (1312-1313), а также имеющие отношения к политике места «Божественной Комедии» Данте Алигьери, «Защитник мира» (1324) Марсилия Падуанского, «Краткое рассуждение о тиранической власти.» и «Трактат о правах Римской империи» Оккама, написанные между 1328 и 1343 годами. Все эти первоисточники дают нам основной материал для исследования, позволяют нам проникнуть в дух времени и на опыте понять, как видели империю сами носители имперского сознания в XIV веке. Идеи Данте и Оккама помогли нам осознать, что империя понималась прежде всего как вечная и всемирная монархия, стержнем же этой идеи была концепция единства человеческой природы и единства управляющего начала вселенной (принцип теократии), а также тот факт, что империя понималась ими именно как проект будущего, а не реальное средневековое государство, существовавшее в их время. Идеи Марсилия помогли нам осознать, что империю можно мыслить и вне монархических и теократических идей. Общечеловеческое политическое единство может скрепляться и другими смысловыми элементами.

С этой же целью понимания идеи империи в духовном климате конкретной эпохи мы используем и артефакты имперской идеи классического периода. Это, прежде всего, фрагменты утраченных трактатов эллинистических александрийских мыслителей, сохраненных Иоанном Стобаем и приведенных в монографии аббата Ф. Дворника; затем панегирик Плутарха, посвященный деяниям Александра Македонского, политические диалоги Цицерона «О законах» и «О государстве», панегирик Траяну Плиния Младшего, «Энеида» Вергилия. Эти тексты дают нам яркий эскиз того, как понималась идея империи в эпоху поздней античности. А панегирик Евсевия Кесарийского Константину даёт нам представление о классической христианской идее империи, которая впоследствии практически не изменялась до самого конца существования Византийской империи. Изучение этих текстов помогает весьма чётко увидеть сходства и различия, между имперскими теоретиками классического периода и мыслителями XIV века. Для нашего исследования особенно полезным был тот факт, что и христианская и античная идея империи происходили из одного источника - эпохи эллинизма, что огромное влияние на складывание имперской идеи сыграли традиции древневосточных деспотий и эллинистический универсализм. В общем, эти источники позволили проследить момент возникновения в политической мысли имперской идеи как таковой (ибо ни у Платона, ни у Аристотеля мы конечно же подобных идей не найдем), увидеть их первоначальные формы, каковой была идея космической монархии или республики, структурообразующие смысловые элементы - эллинистическая (прежде всего, стоическая) идея равенства по природе всех людей на основании разума, древневосточная идея теократии — наличия единого управляющего принципа всего мироздания.

Однако одних первоисточников недостаточно. Чтобы лучше понять контекст эпохи мы использовали наиболее крупные интерпретации этого периода в истории политической мысли. Здесь нам неоценимую помощь оказали работы крупнейшего специалиста по «Защитнику мира» и его непосредственному переводчику с латинского языка на английский А. Гевирта, специалиста по Оккаму и члена Кембриджского общества Оккама

С. Макгрейда, специалистов по имперской идее Данте Н. Ленкейт и А. П. Д'Антреве; О. фон Гирке и В. Уллманна, с разных позиций - один с систематической, а другой — с генетической - освещавших панораму развития политической мысли в целом и в том

числе идеи имперской монархии на протяжении Средних веков; исследование Р. Фольца о трансформации понимания идеи империи на протяжении Средних веков; исследование Ф. Дворника о трансформации идеи монархии, в том числе в её имперском варианте, на Древнем Востоке и в античном мире вплоть до Византии. Эти исследования помогли нам подняться над уровнем конкретных текстов и понять связь тех или иных социально-политических идей, составляющих имперскую идею, увидеть многие закономерности их эволюции. Так, благодаря А. Гевирту можно увидеть какие внутренние противоречия в учении Марсилиуса способствовали отходу этого мыслителя от классической идеи империи, тот же процесс в политическом учении Оккама хорошо продемонстрировал С. Макгрейд, Н. Ленкейт и А. П. Д'Ангерева показали, насколько сильно имперская идея Данте имеет преемство с классическими имперскими концепциями Цицерона и Вергилия и что принципиально нового внёс в эту идею сам Данте. Ф. Дворник показал нам, насколько возникновение имперской идеи тесно связано с политическими и интеллектуальными процессами эллинистического мира: когда мощное влияние древневосточных идей большого политического порядка (деспотической монархии) проникло в античную политическую практику и было осмыслено позднеантичными мыслителями (такими как Плиний Младший, Плутарх и др.) в категориях универсальных по своему существу философских понятий. Фольц, Гирке и Уллманн демонстрируют эволюцию кризиса имперской идеи в Средние века, связывая его преимущественно с влиянием античных до-эллинистических идей (прежде всего, Аристотеля), с постепенной утратой, по существу, реальной связи с классическим римским наследием, обусловленной как социально-политическими процессами (распадом Римской империи), так и церковно-политическими деструктивным воздействием политики римских пап. М. Суини в своих лекциях по истории политических учений Средних веков дал нам образец того, как можно делать глубокие выводы из анализа самих текстов, без выхода за пределы интеллектуальной истории.

В целях сравнения мы также прибегали к сугубо историческим исследованиям, чтобы глубже понять связь между различными идеями. Фундаментальная систематическая история Византии Ф. Успенского помогает увидеть, как классическая имперская идея воплощалась на практике, как, несмотря на изменявшиеся социально-политические условия, классическая имперская идея упрямо не изменялась, сохраняясь в своём изначальном виде до конца истории этого государства. Очерки по истории Церкви А. Шмемана помогают взглянуть на непростые взаимоотношения между дохристианской имперской идеей и христианской универсальностью.

Однако все эти концепции носили историко-политический характер. Однако мы, используя их способ интерпретации текстов той эпохи и пользуясь их материалом, попытались выделить из него то, что относится к непреходящему «ядру» имперской идеи.

Подробный анализ научных концепций империи помещён в I главе. Хочется отметить только оказавшие наиболее сильное влияние на эту работу. Работа Ш. Эйзенштадта помогает увидеть, насколько сильно идея империи связана с современностью, т.к. значительная часть институтов современных политических систем обязано своим существованием именно империи. С. И. Каспэ дал широкую палитру «синдромных» исследований понятия империи и вскрыл их недостатки, дал исчерпывающую характеристику основных научных признаков понятия империи. Л. С. Гатагова поставила саму проблему необходимости поиска смысла понятия империи. М. Ильин дал исчерпывающую палитру всех возможных смыслов термина «империя». Другие

исследователи показали нам те или иные признаки, так или иначе действительно присущие историческим империям. Работы А. В. Филиппова и А. Негри и М. Хардта помогли совершенно по-новому взглянуть на империю. Не просто как на универсальную монархию, как об этом свидетельствуют классические авторы, но как очень большое, стремящееся к бесконечности вширь и вглубь (только Негри и Хардт) политическое пространство. Критический разбор этих концепций последует в I главе.

Исходя из краткого обзора наиболее существенных для работы источников, видно, что новизна этой работы состоит лишь в том, в ней сделана попытка применить иной подход для решения давно уже поставленной проблемы — что такое империя? Историки мысли исследовали тексты, содержащие в себе имперскую идею, только в связи с тем историческим контекстом, в котором они создавались и потому имперская идея, формулируемая ими, имела черты и существенные для империи как таковой, и случайные, характерные для представлений того времени, в 1 котором они порождались. Наоборот, современные учёные, сами конструировали своё понятие империи на основе исследования реальных исторических государств-«империй», но без учёта воззрений носителей имперского сознания, т.е. не выходя из пределов «своего времени», а потому их определения могут также сочетать в себе черты и существенные для империи, и второстепенные. В данной работе используются очень многие идеи и разработки всех этих авторов, только под иным методологическим углом зрения, в целях исправить то искажение при воззрении на объект исследования, которое накладывает время - на исследователей первой категории - историческая эпоха, второй — современность, а на самих имперских мыслителей прошлого (таких как Данте и др.) - их политические убеждения. Данная работа пытается совместить, таким образом, обе перспективы видения: с одной стороны, проследить возникновение смыслового «ядра» понятия империи, а с другой стороны, показать, насколько его содержание важно для современного понятия империи. В этом принципиальная новизна данной работы.

Основные положения и выводы диссертации получили отражения в публикациях автора, прежде всего, в статье «Философское основание принципа народного суверенитета в Средние века» (1,4 а.л.), опубликованной в журнале «Каспийский регион: политика, экономика, культура», №4(13), 2007. Материалы диссертации были использованы при подготовке серии лекций по истории античной и средневековой политической мысли, читаемых диссертантом студентам второго курса политологического факультета ГУГН.

Заключение диссертации по теме "Теория политики, история и методология политической науки", Бычков, Александр Александрович

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная диссертация посвящена поиску смыслового «ядра» идеи империи: того смысла, который содержится во всех научных понятиях империи и носит непреходящий характер. Его обнаружение необходимо связано с отделением непреходящих идей от идей исторически случайных, присущих для той или иной эпохи, то, что мы назвали «имперской идеологией». Эта задача должна была осуществиться путём сравнения «классической» и «неклассической» идей империи в период кризиса первого и рождения второго - в первой половине XIV в., когда имперская идея Данте ещё во многом стояла на «классических» позициях, а имперская идея Марсилиуса уже совершенно отступила от них.

В чём при анализе концепций означенного периода можно заметить сходства, которые могли бы нам указать на совокупность смысловых элементов, составляющих непреходящее ядро имперской идеи? 1. Идея единства человеческого рода: человек как разумное одушевлённое существо един по своей природе с другими людьми; человечество в целом составляет один живой организм, имеющий чётко обозначенную цель своего развития (хотя и у разных мыслителей она различна); вне зависимости от расы, языка, национальности человека, то, что хорошо для одного человека, хорошо потенциально и для всех остальных. При всех своих различиях, все три мыслителя (Данте, Оккам и Марсилией) определяли человеческий род в терминах органического Тела. Это органическое единство задано нам изначально по рождению, оно есть факт, который имеет место объективно, вне зависимости от нашей воли. Идея человечества, может быть наиболее последовательно сформулированная именно Данте, как некоего антипода христианской Церкви (духовного человечества, Тела Христова), полностью разделяется и Марсилием, и Оккамом. Причём у всех троих она принимает дохристианские, стоические коннотации - человечество не столько как духовное сообщество, а сколько как сообщество разумных одушевлённых существ. Эта идея затем будет подхвачена гуманистами и вольётся в эпоху Просвещения в форме идеи «братства» всех людей и народов, сохраняя свою политическую и политологическую востребованность до сих пор. И в самом деле, идея единства человеческого рода, как показано в I главе нашей работы, полностью сохраняется и во всех научных современных, и во всех «классических» определениях имперской идеи. Абсолютно все определения всех - и «классического», и современных научных, - подходов подразумевают эту идею как характерный признак империи - что «империя» реально или символически претендует на то, чтобы включать в себя или представлять интересы всего человеческого рода в совокупности, либо его наиболее «передовой» части. Хотя при этом научные концепции империи не рассматривают вопрос о том, что составляет общую природу всех людей как самоочевидный, однако не отказываются от представлений о единстве цели человеческого рода - автаркия (самодовление) и безопасность (С. Каспэ), безопасность и правопорядок (А. Негри и М. Хардт).

2. Идея глобального Мирового Порядка: человеческий род как и любое другое сложное сообщество нуждается в управлении, властное пространство непременно должно быть единым во избежание раздоров между равноправными по компетенции властными институтами. Хотя Марсилией Падуанский, в отличие от Оккама и Данте, сохранявших приверженность к вселенской политической монархии, рассматривал это глобальное политическое сообщество в терминах «конфедерации» различных самоуправляющихся республик, единых только по вере и подчинению канонам вселенских Соборов, а власть монарха в ней равносильна пожизненному «подеста» («президенту» итальянских коммун), а зачастую и вообще заменяется коллегиальным органом управления, единым по духу, но множественным по числу лиц, но это всё-таки вселенский политический институт, хотя и не монархический, а республиканский. Они не мыслили мировое сообщество не управляемым кем-то, стоящим над ним, ибо разногласие - источник хаоса, а цель общества - общее благо, немислимое без порядка (Оккам), единства (Данте) и мира, понимаемого как покой (Марсилией). Для всех троих философов это альфа и омега политической философии. Единство, порядок и мир нуждаются в гарантиях какого-то одного ответственного института. Просто у Данте и Оккама этот институт совпадает с физическим лицом монарха, а у Марсилией — с коллективным лицом собрания граждан и собрания верующих. Эта идея также присуща и «классической» идее империи, и современным понятиям империи. Хотя не все определения указывают на то, что единый

мировой порядок должен возглавляться именно монархом (Цицерон говорит о республике, А. Негри и М. Хардт, А. Филиппов о аморфном, не имеющем центра властном пространстве), однако то, что всемирный мировой порядок — это главная часть определения империи, - с этим согласны все.

Итак, эти две идеи имеют универсальное значение. Они содержатся в «классической» идее империи - и в эллинистическом, и в римском, и в христианском его вариантах -, у рассматриваемых нами трёх мыслителей, а потом и у современных учёных нынешней эпохи. Почему эти идеи оказались столь «живучими»? Возможно, секрет кроется в их самоочевидности - в такой степени, что ни одна теория не может их опровергнуть, а также в том, что они объективны, соответствуют реальной природе человеческого общества.

В тоже время некоторые смысловые элементы, присущие «классической» идее империи, были утрачены, хотя и не полностью.

Идея сакральной монархии: представление о том, что вселенной правит один Небесный Царь, а на земле Его представляет один земной царь, образ небесного Первообраза — сквозная идея эпохи эллинизма, позднего Рима и христианских Средних веков. Она находит своё фундаментальное обоснование у Данте. Однако она совершенно не находит никакой поддержки ни у Овккыма, ни у Марсилиа. При всём различии этих мыслителей, они видят в монархе только слугу народа, одного из многих и часто не самых эффективных инструментов наводить порядок. Они смотрят на монархию не глазами Евсевия или Вергилия, но глазами Аристотеля или Полибия. Они не подвергают сомнению наличие Небесной Монархии, но отказываются «наводить мосты» между этими двумя мирами, каждый своими словами формулируя «бритву», разрывающую возможную связь. Земной монарх - только один из возможных властных институтов, имеющих весьма косвенное отношение к Небесному монарху - только как один из христиан, не более. Эта позиция затем красной нитью будет пронизывать всю политико-философскую традицию Нового времени. И даже такие яркие защитники монархии, как Макиавелли (в «Государе») или Гоббс будут прибегать не к теократической, «сакральной», аргументации, - а к прагматической - насколько эффективен именно этот институт, а не иной. Мы не найдём в европейской политической мысли и следа таких параллелей как монарх — образ Божий на земле. Для Византии, для России - да, сакральная аргументация носила самоочевидный характер, но не для Западной Европы. Эта ситуация находит своё выражение в тех научных определениях понятия империи, что мы приводили в I главе. Они совершенно не раскрывают проблему сакрального источника власти в империи. Некоторые определения подчёркивают только наличие «сакрально-традиционной» легитимации власти • как одну из черт имперских политических систем или государств (Ш. Эйзенштадт, С. Каспэ и др.), а также то, что в основе идеологии империй может лежать монотеистическая религия (А. Филиппов, Л. Гатагова, С. Каспэ и др.). Но в любом случае вопрос о сакральном Источнике власти и соответственно принципе отношения к Нему («мимесис», подражание, отражение небесного порядка земным), представлявший такую огромную важность для эллинистических, римских, христианских мыслителей и Данте, допускается лишь в качестве компонента идеологии некоторых империй. Таким образом, этот комплекс идей представляет из себя то, что мы ещё во «Введении» обозначили как имперская идеология, представляющий огромную, жизненно важную ценность для «классических» имперских мыслителей, но для самого смыслового ядра имперской идеи не играющей большой роли.

Так или иначе, в XIV веке — на некоей исторической развилке мы видим, как «классическая» идея империи, вполне целостная ещё у Данте, постепенно начинает распадаться у Оккама и стремительно — у Марсилиуса, хотя сама идея глобального организованного сообщества не только не пропадает, но дополнительно аргументируется. Тем самым просто «классическое» понимание империи заменяется другим, условно говоря, «неклассическим», хотя смысловое «ядро» имперской идеи сохранилось, да и не могло исчезнуть, как присущее самой природе организованного человеческого общества. В некоем, так сказать, «усечённом» виде эта новое понимание империи будет неоднократно всплывать и в политической теории и в практике, она ложится в основу того осмысления понятия империи которые нам дают современные авторы, упомянутые во «Введении» и первой главе.

Таким образом, искомое смысловое «ядро» имперской идеи, исходя из проделанного анализа, состоит в том, что империя есть политическое выражение идеи единства по природе человеческого рода, имеющего вследствие своего родства по естеству общие цели, задачи, которые могут и необходимо должны решаться за счёт той или иной степени объединения разрозненных человеческих сообществ в одно целое, создания общей организации для их достижения. Эта-то организация (не всегда носящая форму государства как такого, а тем более не всегда имеющая форму единоличной власти) всего человеческого рода ради достижения общей для всех цели и есть искомое смысловое «ядро» имперской идеи. Все остальные идеи представляют собой различные воплощения её «оболочек», которые «переводят» смысловое «ядро» понятия на «понятный» для той или иной исторической эпохи «язык».

Список литературы диссертационного исследования кандидат политических наук Бычков, Александр Александрович, 2008 год

1. Данте Алигьери. Монархия. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 1999.
2. Данте Алигьери. Пир. // Малые произведения. М.: Наука, 1968. С. 112-270.
3. Данте Алигьери. Письма. // Малые произведения. М.: Наука, 1968. С. 363-384
4. Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Художественная литература, 1974.
5. *Dialogus III Magistri Guillelmi de Ockam Doctoris Famosissimi. Tractatus secundus. De iuribus Romani Imperii // Monarchiae Sancti Romani Imperii. Francofordiae: Typis Nicolai Hoffmani, Anno M. DC. XIV. (1614).*
6. Marsilio da Padova. *The Defensor Pacis*. New York: Columbia University Press, 1956.
7. William of Ockham. *A Short discourse on Tyrannical Government*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
8. Beatrice H. Zedler. Introduction. // St. Thomas Aquinas. *On the Unity of the Intellect against the averroists*. Milwaukee, Wisconsin: Marquette University Press, 1968.
9. Carlyle A. J. *The Sources of Medieval Political Theory and its Connection with Medieval Politics // The American Historical Review*. Vol. 19. No. 1(Oct. 1913). P. 1-12.
10. Eisenstadt S. N. *The Political Systems of Empires*. London: Collier Macmillan Ltd, 1963.11
.D'Entreves A. P. *Dante as a Political thinker*. Oxford: Clarendon press, 1952.
11. Dvornik F. *Early Christian and Byzantine political philosophy*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1966.

12. Folz R. The concept of Empire in Western Europe from the Fifth to the Fourteenth Century. London: Edword Arnold, 1969.
13. Gewirth A. Marsilius of Padua: The Defender of Peace. New York: Columbia University Press, 1951.
14. Gierke von O. The Medieval Political Theories. Cambridge: Cambridge University Press, 1900.
15. Kircullen J. Ockham's Political Writings. // The Cambridge Companion Ockham. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
16. Lenkeith N. Dante and the legend of Rome. University of London: the Warburg institute, 1952.
17. Lewis Ewart. Organic Tendencies in Medieval Political Thought. // The American Political Science Review. Vol. 32. No. 5 (Oct., 1938). P. 849-876.
18. McGrade A. S. The Political Thought of William of Ockham. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
19. Nedermann C. J. Aristotelianism and the Origins of "Political Science" in the Twelfth Century // Journal of the History of Ideas. Vol. 52. No. 2 (April -June 1991). P. 179-194.
20. Nedermann C. J. Nature, Sin and the Origin of Society: The Ciceronian Tradition in Medieval Political Thought // Journal of the History of Ideas. Vol. 49. No. 1 (Jan.-Mar., 1988), P.3-26.
21. St. Thomas Aquinas. On Kingship. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1949.
22. The Cambridge History of Medieval Political Thought c. 350 c. 1450, edited by J. H. Burns. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
23. Ullmann W. Medieval Political Thought. Harmondsworth: Penguin books, 1975.
24. Жильсон Э. Философия в Средние века: от истоков патристики до конца XIV века. М.: Республика, 2004.
25. Суини М. Средневековая политическая философия Запада. // Лекции по средневековой философии. Вып. 2. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
26. Тарнас Р. История западного мышления. М.: Крон-Пресс, 1995.
27. Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. 3. М. : АСТ, 2005.
28. Апполонов А. В. Фома Аквинский и антиаверроистская полемика 70-х XIII в. в кн.: Фома Аквинский. Сочинения. М.: УРСС, 2004.
29. Аристотель. Метафизика // Сочинения в четырех томах. Т.1. М.: Мысль, 1976. С. 63-369.31 .Аристотель. Никомахова Этика. М.: АСТ, 2004.
30. Аристотель. О душе // Сочинения в четырех томах. Т.1. М.: Мысль, 1976. С. 369-451.
31. Аристотель. Политика. М.: АСТ, 2005.
32. Аристотель. Физика // Сочинения в четырех томах. Т.3. М.: Мысль, 1981. С. 59-263.
33. Блаженный Августин. О граде Божьем. М.: Алетейя, 2000.

34. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. >
35. Вергилий Публий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Художественная литература, 1971.
36. Веселовский И. Н., Горенштейн В. О. Примечания на понятия *imperium* и *potestas* // Цицерон. Диалоги: О государстве О законах. М: Наука, 1994. С. 177-183.
37. Гагагова Л. С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. С. 332-353
38. Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской. Слово василевсу Константину по случаю тридцатилетия его царствования // Жизнь блаженного василевса Константина. Москва: Labarum, 1998.
39. Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской. Жизнь блаженного василевса Константина. Москва: Labarum, 1998.
40. Ильин М. В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССОПЭН, 1997.
41. Карамзин Н. М. История государства Российского. Спб.: Золотой век, 2003.
42. Каспэ С. И. Империи: генезис, структура, функции // Полис. №5. 1997.
43. Кнабе Г. С. Империя изживает себя, когда провинции догоняют центр // Восток. №4. 1991.
44. Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001.
45. Паин Э. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционная альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2004.
46. Паин Э. Россия между империей и нацией // Pro et Contra. № 3 (37), май-июнь 2007. С. 42-60.
47. Платон. Государство. Спб: Наука, 2005.
48. Плиний Младший. Панегирик//Письма. С. 212-272. М.: Наука, 1982.
49. Плутарх. О судьбе и доблести Александра // Сочинения. М.: Художественная литература, 1983. С. 412-441.
50. Современный философский словарь. М.: Панпринт, 1998.
51. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.
52. Цицерон Марк Туллий. О государстве. // Диалоги. М.: Ладомир -Наука, 1994.
53. Цицерон Марк Туллий. О законах // Диалоги. М.: Ладомир Наука,
54. Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Вопросы социологии. Том 1.
55. Филиппов А. Ф. Смысл империи: к социологии политического
56. Фома Аквинский. О единстве разума против аверроистов // Сочинения.1. М.: УРСС, 2004.

57. Шмеман А, протоиерей. Исторический путь православия. Paris: YMCA-PRESS, ГШ1. С. 31-47.1994.1. 1992. С. 89-120.пространства //www. Sociolog.net/filippov.html#fl

Источник: <http://www.dissercat.com/content/obosnovanie-i-krizis-imperskoi-idei-v-xiv-veke-dante-aligeri-uilyam-okkam-i-marsilii-paduans>